

А.А. ЩЕЛЧКОВ

ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕМ ПЕРУ В 1809 году. К 200-летию НАЧАЛА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ

Классик боливийской историографии Г.Р. Морено писал: "Вершина славы Чаркас состоит в призыве к свободе 25 мая 1809 г., когда вся Америка еще глубоко спала в своем рабстве; на этот призыв откликнулся Ла-Пас, начавший войну и счет мучеников освобождения всего континента"¹. Независимость Латинской Америки открыла новую эпоху в истории ее народов и всего западного мира, став важнейшим этапом разрушения "старого режима", абсолютизма, со времени Великой французской революции. Начало этой борьбы было положено в Верхнем Перу (Чаркас), ныне Боливии, где первыми в 1809 г. против испанского владычества восстали жители городов Чукисака (столица Аудиенсии, также именовавшаяся тогда Ла-Платой) и Ла-Пас.

С XIX до середины XX в. среди историков преобладала точка зрения, объяснявшая Войну за независимость: во-первых, движением за национальное освобождение от деспотизма и угнетения метрополии; во-вторых, войной в Испании; в-третьих, неизбежностью создания национальных государств в виду их готовности к самостоятельному существованию². Среди всех течений историографии был достигнут определенный консенсус в отношении интерпретации Войны за независимость, она рассматривалась как подвиг, из которого родились новые нации.

С середины XX в. большое влияние приобретает течение "зависимого капитализма" (М. Карманьяни, С. и Б. Стейны, К. Велис, Ф.Э. Кардозу, и др.)³, предложившее иную интерпретацию истории. Эта теория, близкая также марксистскому направлению, делала упор на последствия, а не на причины Войны за независимость. Ее представители подчеркивали стремление креолов сохранить свои привилегии и власть, что помешало полностью демонтировать колониальную систему. Ими делался вывод: Война за независимость — "незавершенная" революция освобождения. Отсюда и последующие рассуждения о постколониальных пережитках в странах континента в XIX и даже в XX в.⁴

В 80–90-е годы XX в. появились новые тенденции в интерпретации этих событий, связанные с именами Х. Родригеса и Ф.-Х. Герра⁵. Они во многом опирались на работы Т. Альперина⁶ и К. Стуцера⁷, а также течение "исторического ревизионизма". Для

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Moreno G.R. Últimos días coloniales en el Alto-Perú. Santiago de Chile, 1896, p. 12.

² Историографический очерк вопроса см. во вступительной статье М.С. Альперовича к книге: Линч Дж. Революция в Испанской Америке. 1808–1826. М., 1979, с. 5–20. Также см. Марчук Н.Н. Либеральные реформы и война за независимость Латинской Америки. М., 1999.

³ Carmagnani M. Formación y crisis de un sistema feudal. América Latina del siglo XVI a nuestro días. México, 1976; Stein S., Stein B. La herencia colonial de América Latina. México, 1991.

⁴ Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid, 2007, p. 14–17.

⁵ Guerra F.-J. Modernidad e independencias. Ensayos sobre las revoluciones hispánicas. México, 2001; Chevalier F. América Latina. De la independencia a nuestros días. México, 2005, p. 273–275; Rodríguez J.E. La independencia de la América española. México, 2006.

⁶ Halperín Donghi T. Tradición política española e ideología revolucionaria de Mayo. Buenos Aires, 1961.

⁷ Stotzer C. El pensamiento político de América Española durante el período de emancipación (1789–1825). Madrid, 1966.

них события в Америке были явлением внутреннего гражданского конфликта в борьбе за равенство американцев и испанцев в рамках единой испанской нации. Герра утверждал, что испанская революция как в Испании, так и в Америке имела общие черты с Великой французской революцией, отстаивала принципы нового буржуазного строя, политического равенства, свободы личности, отрицания сословного устройства общества и феодальных привилегий, но первая не была простой производной второй. Герра писал: "История революции во Франции и в испанской монархии неразделимо связана с борьбой с абсолютизмом, с режимом, характеризуемым как деспотический, тиранический и самодержавный"⁸.

Огромное внимание эти историки уделили изучению "традиционной мысли", проникновению новых идей из Европы и США и сделали радикальный вывод: влияние западных революций и теорий был минимальным, идеологическая основа Войны за независимость в первую очередь имеет испанские корни. Историки этого направления уклоняются говорить о неизбежности и предрешенности независимости испанских колоний в Америке, а больше внимания уделяют проектам реформаторов эпохи "кадисского либерализма", которые в Америке стремились разрушить абсолютизм и колониализм Бурбонов, не помышляя при этом о разрыве с Испанией. Исходя из этих положений, они отрицали факт борьбы за независимость во время восстаний в Чукисаке и Ла-Пасе. Последние многочисленные публикации на эту тему, связанные с 200-летним юбилеем начала Войны за независимость, следуют в русле этой концепции (прежде всего испанские историки – М. Чуст, М. Ируроски, И. Фраскет)⁹.

Под влиянием этого направления один из ведущих теоретиков "зависимого капитализма" М. Карманьяни скорректировал свою точку зрения, приняв аргументацию этих историков. Он стал утверждать, что на первом этапе Войны за независимость, с 1808 по 1814 г., речь шла об автономии и трансформации единого испано-американского государства в конституционную монархию и самым ярким примером этого являются хунты Ла-Паса и Чукисаки¹⁰.

Отчасти с этой трактовкой сопрягается идея "атлантической революции", в основе которой лежит концепция "эры революций" Э. Хобсбаума. Многие доводы сторонников данной точки зрения вполне обоснованы. Вместе с тем, как отмечал в своей критике этой концепции именитый английский специалист Дж. Линч, идея единой "атлантической революции" не отражает всей сложности процессов в начале XIX в. В этой концепции не остается места Латинской Америке с ее самобытностью и непохожестью на другие части "атлантического мира"¹¹. Истина скорее всего посередине. Не отрицая обоснованности аргументов "атлантистов", следует подчеркнуть включенность событий в Чаркас и в Америке в целом в процесс ибероамериканской антиабсолютистской революции. Тем более это справедливо на первом этапе освободительной революции в Америке.

В отечественной историографии этим событиям практически не уделялось внимания, а общие работы о Войне за независимость ограничивались лишь кратким упоминанием об этих восстаниях, характеризуемых лишь как предвестники освободительной революции¹². Между тем необходимость изучения этих двух восстаний вполне очевидна, ибо оно не только дополняет картину Войны за независимость, но и позво-

⁸ Guerra F.-J. Op. cit., p. 55.

⁹ 1808. La eclosión juntera en el mundo hispano. México, 2007; Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808 – 1826). Castelló de la Plana, 2008; Debates sobre las independencias iberoamericanas.

¹⁰ Carmagnani M. El otro Occidente. América Latina desde la invasión europea hasta la globalización. México, 2004, p. 140–142.

¹¹ Lynch J. América Latina, entre colonia y nación. Barcelona, 2001, p. 153.

¹² Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826). М., 1964; Альперович М.С. Освободительное движение в конце XVIII – начале XIX в. в Латинской Америке. М., 1966; его же. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971; История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991.

ляет яснее увидеть связь американских и европейских революционных событий, наиболее отчетливо отметить характерные и для других регионов Америки особенности первоначального этапа движения за независимость. В 200-летнюю годовщину начала Войны за независимость нам представляется необходимым восполнить этот пробел, обратившись к анализу событий 1809 г. в Верхнем Перу.

В работе над данной статьей автор пользовался многочисленными опубликованными документами той эпохи. Большинство материалов давно известно историкам, часто ими цитируется и являются почти хрестоматийными. Это прежде всего "Исторические воспоминания о политической революции 16 июля 1809 г. в городе Ла-Пас", приписываемые Т. Котере, опубликованные впервые в 1840 г. и затем много раз переиздававшиеся. Кроме того, большой объем документов о восстании в Чукисаке сравнительно недавно, в 1994 г., опубликовал исследователь Э. Хуст¹³. Впервые в научный оборот автором вводится неопубликованный материал, относящийся к восстанию в Ла-Пасе, из рукописного фонда Национальной библиотеки Испании¹⁴. Эти документы и составили источниковедческую базу данной статьи.

* * *

События в Испании, предшествовавшие началу Войны за независимость в Америке, подробно описаны во многих работах. Вкратце они развивались следующим образом. После отречения Бурбонов в марте 1808 г. испанская монархия переживала глубочайший кризис. Регентом страны Наполеон назначил Мюрата, корона переходила брату Наполеона Жозефу (Хосе I). В Байоне была созвана Хунта, на которой была принята конституция новой "офранцузенной" монархии. В этой Хунте приняли участие и американские креолы, волей случая находившиеся в Европе и призванные Наполеоном к представительству заморских владений империи. Американцы в Байоне настаивали на равенстве в торговле для испанских и американских владений, просили гарантировать представительство американцев в Сенате, уравнивая в политических правах жителей метрополии и колоний. Конституция "офранцузенной" монархии в 88 статье провозглашала: "Испанские королевства и провинции в Америке и в Азии пользуются теми же правами, что и метрополия"¹⁵.

Как смена династии, так и конституционные новшества были негативно восприняты как в Испании, так и в Америке, куда Наполеон отправил своих эмиссаров. Испания после майского 1808 г. восстания в Мадриде поднялась на вооруженное сопротивление французской агрессии. Повсеместно возникали "патриотические хунты", принимавшие на себя всю полноту власти на местах. В сентябре 1808 г. в Аранхуэсе была создана Центральная хунта, претендовавшая на верховную власть в стране. Под натиском французских войск хунта переехала в Севилью, но затем и она прекратила свое существование, уступив место Регентскому совету.

События в Испании внесли замешательство в среду колониальных чиновников. В августе 1808 г. вице-король Ла-Платы С. Линье информировал местные власти, в частности президента Аудиенсии Чаркас, об аресте Бурбонов и прибытии французских эмиссаров. Тогда же в августе 1808 г. появился новый фактор в борьбе за испанскую корону, еще более запутавший ситуацию и смутивший колониальные власти. Сестра Фердинанда VII инфанта Карлота Хоакина, бывшая замужем за принцем-регентом Португалии, бежавшим вместе с лиссабонским двором в Бразилию, 9 августа 1808 г. выпустила "Манифест к вассалам Его Величества Короля Испании и Индий". Карлота Хоакина была самой близкой находившейся на свободе родственницей сме-

¹³ Just Lleó E. Comienzo de la independencia en el Alto Perú: los sucesos de Chuquisaca, 1809. Sucre, 1994.

¹⁴ Dávila T. Insurrección de La Paz, 1809. Manuscrito. – Biblioteca nacional de España, MSS/13150.

¹⁵ Constitución en el nombre de Dios todopoderoso: Don Josef Napoleón, por la gracia de Dios, Rey de las Españas y de sus Indias. Bayona, 1808, p. 42.

щенной королевской семьи и теоретически¹⁶ могла претендовать на кастильский престол. В манифесте она заявила, что приняла на себя представительство королевской семьи Испании. Она отказывалась признавать отречение своего отца в пользу Фердинанда, претендуя на регентство в период, пока не выяснится судьба династии.

19 августа 1808 г. в Монтевидео из Испании прибыл посланник Центральной хунты Х.М. Гойенече. Его миссия заключалась в признании колониями верховной власти хунты. По дороге эmissар побывал в Рио-де-Жанейро, где встречался с Карлотой Хоакиной и получил от нее письма к вице-королю, президенту Аудиенсии, архиепископу Ла-Платы (Чукисаки), колониальным властям, в которых она призывала их признать ее временную верховную власть в Индиях (Америке). Гойенече принял это поручение ввиду неясности и смятения среди испанских властей, хотя в иные времена и при других обстоятельствах это было бы квалифицировано как государственная измена. Гойенече посетил Буэнос-Айрес, а затем отправился в Чукисаку и Ла-Пас, прежде чем прибыть к месту своего назначения – Перу, где должен был занять пост интенданта Куско.

ЧАРКАС – ЦЕНТР ИДЕЙНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ АМЕРИКИ

Верхнее Перу, территория современной Боливии, составляло Аудиенсию Чаркас, с 1776 г. входившую в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Платы. Аудиенсия, преимущественно судебный высший орган власти, располагалась в городе Чукисаке или Ла-Плате (ныне город Сукре). Главой региона был президент Аудиенсии. Этот город был также местопребыванием архиепископа. Чукисака славилась одним из самых старых (1624 г.) на континенте университетом. В 1776 г. в Чукисаке была основана "Карлова Академия" (*Academia Carolina*), являвшаяся высшим юридическим авторитетом во всей Испанской Америке. За годы своего существования до 1809 г. академия выпустила 362 адвоката, составивших элиту испаноамериканского общества¹⁷.

Чукисака в начале XIX в. была очагом просвещения и центром интеллектуальной жизни всего региона. Здесь накануне грозных событий второго десятилетия века развернулась интенсивная идейная борьба. В начале XIX в. университет переживал период обновления и реформ, которые начали ректор М. Салинас, поддержанный знаменитым прокурором-реформатором Аудиенсии В.де Вильява и архиепископом М.Б. Мохо. Последний, хотя и вошел в историю как ярый роялист и контрреволюционер, до начала войны за независимость был поборником новых идей, поклонником французских энциклопедистов. Секретарь архиепископа М. Террасас собрал богатую библиотеку, в которой было много запрещенных инквизицией книг. Этой библиотекой пользовались многие студенты, о чем впоследствии вспоминал М. Морено¹⁸.

Для изучения в университете были допущены работы Декарта и Бэкона. Студенты читали Монтескье, Руссо, Вольтера, Дидро, Рейналя. Их идеи быстро завоевали умы молодого поколения, будущих руководителей Войны за независимость М. Морено, Б. Монтеагудо, Х.Х. Кастелли, М.А. Альвареса, М. Бельграно, героев восстания в Ла-Пасе в 1809 г. Х.А. Медины, П.Д. Мурильо, М. Леона де Ла-Барры, М. Мичела¹⁹. 15 из 36 депутатов конгресса 1816 г., провозгласившего независимость Аргентины, были выпускниками Чукисакского университета. Североамериканская революция вызывала восторг, ее изучали, ее героям подражали. Кто-то из студентов перевел памфлет "Здравый смысл" выдающегося борца за независимость английских колоний в Америке-

¹⁶ В Испании действовало салическое право, установленное эдиктом Филиппа V в 1713 г., не допускавшее наследование престола претендентами женского пола. Однако Карл IV в 1789 г. отменил его. Впрочем, этот акт был подготовлен тайно и не был опубликован, что делало претензии португальской принцессы еще более сомнительными.

¹⁷ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1997, p. 39.

¹⁸ Arnade C.W. The Emergence of the Republic of Bolivia. New York, 1973, p. 6.

¹⁹ Prudencio R. Ensayos históricos. La Paz, 1990, p. 123.

ке Т. Пейна. В нем оправдывалось восстание против метрополии и всякой тирании. Идея, что Америка может принадлежать только самой себе, завоевывала все больше сторонников среди испаноамериканцев²⁰. Сподвижник лидера Майской революции М. Морено первый боливийский историк индеец В. Пасос Канки писал в воспоминаниях: "Молодежь была в объятиях соблазна свободы, которая уже жила среди таких, как я, кто питался доктриной Общественного договора. Мое воображение было захвачено чтением Руссо, Вольтера, Мирабо, и других философов. В результате я сразу же оказался в рядах врагов Испании"²¹.

Новые идеи сочетались с традиционализмом и католическим неотомизмом, также давших идеологическое оружие борцам за независимость. Именно традиция, идеи испанского схоласта XVI в. Ф. Суареса составляли основу идеологического фундамента деятелей независимости Америки. Хотя работы Суареса были запрещены, но их свободно читали, а его теории, не упоминая имени автора, преподавались в университете.

Суарес выдвинул принцип "первоначального пакта" между народом и королем, согласно которому первый передавал второму свой суверенитет. В ответ король был обязан править и опекать по-отечески свой народ, обеспечивая счастье на земле и спасение на небе. Если же король не соответствовал своему долгу перед Богом и народом, то народ имел право лишить его власти. Суарес писал: "Если законный король правит тиранически, то народу ничего не остается как свергнуть монарха... лишить короля власти по естественному праву, оно провозглашает преступным отвечать насилием на насилие, но предполагает прекращение первоначального пакта, по которому власть была передана королю"²². Чукисакские радикалы делали заключение, что суверенитет принадлежит обществу, народу, а правление должно подчиняться справедливому закону. Идеи Общественного договора и "первоначального пакта" слились в едином понимании народных корней суверенитета²³. Традиционализм и схоластика Суареса, интерпретированная в духе просвещения и рационализма, стали основой антиабсолютистских настроений радикалов, подготовивших почву для революции освобождения Испанской Америки.

Состояние империи и идейное брожение побудило крупных чиновников и государственных мужей Ла-Платы вступить в дискуссию о необходимости реформ. Речь идет о парагвайце П.В. Каньете и испанце, уроженце Арагона, В. де Вильяве. В своих политических работах Каньете яростно защищал абсолютизм и права короны, критикуя всякие попытки реформ. Его лозунгом было "никаких новшеств в нашей системе"²⁴. Ему противостоял королевский прокурор Чаркас Вильява. В 1797 г. он написал книгу "Заметки о реформе Испании без изменения монархического правления и религии", ставшей ответом на ультраконсервативные тезисы Каньете. Эта работа была опубликована в Буэнос-Айресе только в 1822 г., 20 лет спустя после смерти автора. В рукописном же виде она была хорошо известна образованным людям, и особенно молодежи, Чаркас.

Работами Вильявы зачитывались студенты и преподаватели университета. Про него говорили, что он пересказывает испанских просветителей-физиократов Ховельянеса и Кампоманеса. Опираясь на идеи просветителей, особенно Монтескье, Вильява утверждал, что если монархия будет опираться лишь на насилие и насаждать неравенство, то революция в Испанской Америке неизбежна²⁵. Многие оидоры (заседатели Аудиенсии) находились под его влиянием и разделяли его взгляд на необходимость реформы колониального управления с тем, чтобы предоставить больше свободы на местах и уравнивать креолов и испанцев. Аргентинский историк Р. Левене считал его

²⁰ Lynch J. Op. cit., p. 161.

²¹ Pazos Kanki V. Memorias histórico políticas. La Paz, 1978, p. 104.

²² Цит. по: Prudencio R. Op. cit., p. 124.

²³ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina, p. 49.

²⁴ Condarco Morales R. Grandeza y soledad de Moreno. Esbozo bio-bibliográfico. La Paz, 1971, p. 184.

²⁵ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina, p. 55.

"предшественником американской независимости"²⁶. Позиция Вильявы отражала революционное брожение и широкое распространение просветительных, либеральных взглядов в Верхнем Перу. Спор Каньете и Вильявы свидетельствовал о климате революционного кризиса в Чаркас.

Идейное брожение в Чукисаке сопрягалось с нарастающим институциональным конфликтом между оидорами и главой колониальной власти президентом Р.Г. Писарро. Одним из таких конфликтов было дело Каньете, являвшегося советником Писарро. Оидоры добились его высылки из Чукисаки в Потоси. Аудиенсия занимала особое место в системе колониального управления. Нечеткое разграничение функций управления между Аудиенсией, президентом, губернаторами и вице-королем делали ее единственным в своем роде органом, который объединял судебную практику, законодательную, политическую и административную власть²⁷. Аудиенсия действовала от имени и короля, и креолов, и индейцев, представляя, таким образом, и корону, и все население колоний.

С 1687 г. корона разрешила продажу должностей, в том числе оидоров, чем воспользовались креолы. Со временем у местной бюрократии, связанной с экономическими элитами, сложилось убеждение, что территории в подчинении Аудиенсии и есть их родина, а следовательно, они по праву занимали эти должности. Во времена Габсбургов корона искала консенсус с местными элитами, но после реформ Бурбонов в середине XVIII в. центральные власти стремились установить абсолютистский контроль над бюрократическим аппаратом, добиться большей рационализации управления, игнорируя интересы местных высших классов, ущемляя их участие в политической жизни²⁸.

Бурбоны проводили стратегическую политику назначения на ключевые посты в Америке выходцев из Испании, объясняя это желанием сделать власть независимой от местных интересов и влияний региональных элит. Креолы восприняли реформы Мадрида как наступление на их права. Центром их недовольства были Аудиенсия, кабильдо (городской совет) и университет, где преобладали креолы. Как утверждал Линч, испанская колониальная империя при Габсбургах была гармонией, а при Бурбонах она превратилась в зону конфликта, ибо Мадрид закрыл двери для компромисса с креолами²⁹.

Аудиенсия Чаркас постоянно оказывала сопротивление центральной власти, проводившей политику систематического наступления на ее полномочия, усиления централизации управления. Новости из Испании о пленении королевской семьи и португальская интрига дала выход этому недовольству. Оидоры считали, что настало время восстановления суверенитета и статуса Чаркас³⁰.

После первых известий об учреждении Центральной хунты и о прибытии ее эмиссара в Буэнос-Айрес Аудиенсия отказалась высказаться определенно по этому поводу, бросая вызов вице-королю и президенту Писарро, без колебаний признавших хунту. На своем заседании в сентябре 1808 г. Аудиенсия в виду отсутствия письменного указа короля (чего и не могло быть из-за его пленения) и Совета Индий решила ничего не предпринимать и выжидать. Для Писарро такое поведение было равнозначно неверности и предательству. Однако он не имел полномочий для репрессий против оидоров.

Ситуация резко изменилась с приездом Гойенече в Чукисаку 11 ноября 1808 г. Он представлял хунту в Севилье. Однако дело было не в этом, а в самом принципе законности власти Испании в Америке. Гойенече был торжественно и с большой помпой

²⁶ Abecia Baldivieso V. Historiografía boliviana. La Paz, 1973, p. 167.

²⁷ Bridikhina E. Theatrum mundi. Entramadas del poder en Charcas colonial. La Paz, 2007, p. 37–53.

²⁸ Guerra F.-J. Op. cit., p. 79.

²⁹ Lynch J. Op. cit., p. 93.

³⁰ 1808. La eclosión juntera, p. 205–206.

принят президентом Писарро и архиепископом Мохо. На 12 ноября было назначено заседание Аудиенсии, но оидоры отказывались прийти на него. Писарро строго приказал всем явиться, а также созвал туда же представителей кабиљдо.

Гойенече привез письма от Карлоты Хоакины. Писарро и Мохо не решились вскрыть их, опасаясь обвинений в предательстве и переговорах с иностранным монархом. На заседании 12 ноября председательствующий Боето, рассмотрев бумаги Гойенече, заявил, что в них нет ни подписи короля, ни Совета Индий, а значит они юридически ничтожны. Это заявление Боето обозначило главный тезис оидоров Чаркас: ни один орган власти Испании не может автоматически заменить короля, ибо Чаркас принадлежит короне, а не Испании. Наличие специальных Законов Индий свидетельствовало, что Америка не являлась провинцией Испании, а Совет Индий не подчинялся Кастильскому совету, т.е. не была колонией, а отдельным королевством. Следовательно, утверждала Аудиенсия, ни Центральная хунта, ни какая-либо другая хунта в Испании не имели право представлять Америку³¹, которая должна создать свои хунты. Гойенече же настаивал на признании Центральной хунты, так как это уже сделал вице-король.

После решительного протеста и угроз со стороны Гойенече, поддержанного президентом и архиепископом, оидоры отступили и признали Центральную хунту. Ситуация была очень напряженная ввиду того, что на площади собралось много народа и, как писал Мохо, могли вспыхнуть беспорядки, чего никто не желал³². Однако на этом драма не закончилась. Перед самым закрытием заседания Гойенече при всех передал письма Карлоты Хоакины в руки Писарро и Мохо. Те сразу же вскрыли их и прочитали. Тут-то оидоры и узнали о португальских претензиях на престол. Кроме того, инфанта передавала в письме личный привет архиепископу Мохо, с которым была ранее знакома. Среди всеобщей растерянности совещание Аудиенсии было закрыто.

Писарро и Мохо решили ответить на письмо инфанты. И хотя они решительно отказались признать притязания Карлоты Хоакины, сам факт получения письма был расценен Аудиенсией как предательство³³. 12 января 1809 г. после совместного заседания Аудиенсии и Университетского совета появился документ, известный как "Акт докторов". Его авторами были "адвокат бедняков" Х. Суданьес и его брат, синдик университета М. Суданьес. Этим актом притязания на корону со стороны португальской принцессы объявлялись несостоятельными, а "королевская персона" подверглась грубым оскорблениям. Узнав об "Акте", вице-король Линье, опасаясь последствий в случае победы португальской интриги, решил перестраховаться и приказал уничтожить записи об этом заседании в книгах Аудиенсии и университета, что и было исполнено Писарро 20 мая 1809 г.³⁴ Такие действия властей окончательно убедили оидоров в причастности Писарро, вице-короля, Мохо и Гойенече к заговору в пользу Карлоты Хоакины.

Эти события воодушевили молодых радикалов, считавших, что исчезновение законного монарха, а большинство было убеждено, что французы не выпустят короля живым, должно вернуть народу суверенитет.

Среди радикалов выделялся священник Х.А. Медина, который открыто называл королевскую власть "безобразным деспотизмом", за что был выслан из Чукисаки³⁵. Самым известным радикалом был Б. Монтеагудо, автор скандально знаменитого памфлета "Диалог Атауальпы и Фердинанда VII в полях Элизима". Этот документ был обнаружен Гойенече после подавления восстания в Ла-Пасе, куда он был доставлен из

³¹ *Prudencio R. Op. cit., p. 128–130.*

³² *Just Lleó E. Op. cit., p. 621.*

³³ *Una independencia, muchos caminos, p. 60.*

³⁴ *Arguedas A. Historia de Bolivia. La fundación de la república, t. 1. La Paz, 1992, p. 32.*

³⁵ *Fellman Velarde J. Historia de Bolivia. T.1. Los antecedentes de la bolivianidad. La Paz, 1968, p. 241.*

Чукисаки. Pamфлет стал доказательством подрывной деятельности в Чаркас, целью которой была независимость от Испании.

В памфлете Монтеагудо дал безжалостную характеристику испанского господства, обвинив Испанию в варварском обращении с индейцами только из-за страсти к наживе и в ограблении богатств Америки. Он писал: "Среди всех наций вы не найдете столь жестокой и тиранической, как испанцы"³⁶. Его герой инка Атауальпа восклицал: "Согласитесь, что ваш трон и весь порядок в Америке покоился лишь на несправедливости и неравенстве!"³⁷. Беспорядки в метрополии, наконец, побудили американцев подумать над тем, чтобы жить независимыми. "Сбросьте оковы рабства, – призвал Атауальпа, – вкушите сладость независимой жизни!". В конце разговора Фердинанд VII признавал: "Если бы я был жив"³⁸, то сам бы призвал американцев к свободе и независимости!"³⁹. Этот памфлет Монтеагудо был первым ясным призывом к отделению от Испании.

Помимо этого памфлета многочисленные рукописные листовки наводнили города Чаркас. В них утверждался тезис: если корона правит в ущерб креолам, то они имеют право не подчиняться и восстать против властей. Радикалы хотели отделения от метрополии, но их было меньшинство. Однако смятение и растерянность от событий в метрополии вскрыли старые противоречия внутри правящих элит, что лишь расшатывало и без того разваливающийся механизм испанского господства. На первые роли выходили новые люди, молодые радикалы, стремившиеся воспользоваться поражением испанской монархии в Европе, чтобы нанести смертельный удар колониальному господству.

ВОССТАНИЕ 25 МАЯ 1809 г. В ЧУКИСАКЕ (ЛА-ПЛАТЕ)

После отъезда Гойенече из Чукисаки по городу стали циркулировать устойчивые слухи, что испанские власти во главе с Писарро и Мохо хотят передать страну португальской короне. Радикалы воспользовались старым конфликтом Писарро и Аудиенсии, чтобы привлечь на свою сторону бюрократию, прежде всего оидоров. Радикалы поддержали легализм оидоров, отказывавшихся признать законность Центральной хунты, что означало де-факто независимость Чаркас до возвращения Фердинанда VII на престол или появления законного наследника, а это было очень туманной перспективой. В этой группе революционеров были такие видные фигуры местного общества, как Х. Суданьес, М. Суданьес, Х. Лемоин, Б. Монтеагудо. Как утверждал Г.Р. Морено, Суданьесы если не кричали "независимость и свобода", то только из страха, но все, в том числе и власти, догадывались об их истинных намерениях⁴⁰. В виду того, что Х. Суданьес и Б. Монтеагудо были адвокатами по делам бедняков, эта группа имела большое влияние на народ, на городские низы.

12 января Писарро запросил вотум доверия у Университетского совета. Собравшиеся 48 докторов, многие из которых входили в радикальные кружки, отказали ему в доверии, обвинив в потворстве португальским интригам. Это было оскорбительно для президента. Через неделю он собрал уже всех членов совета, 92 доктора университета, но и они поддержали предыдущее решение. После этого морального поражения власть утекала из рук Писарро. Писарро в докладе от 26 апреля 1809 г. жаловался вице-королю на Суданьеса, на оидоров, прокуроров, на своих врагов и просил полномочий для санкций против них.

³⁶ *Monteagudo B. Diálogo entre Atawallpa y Fernando VII en los Campos Eliseos*, p. 5. Цитируются по опубликованной электронной версии Национальной библиотекой Боливии в интернете, оригиналы хранятся в Archivo nacional de Bolivia, f. Rueck, 558.

³⁷ *Ibid.*, p. 4.

³⁸ Тогда многие были убеждены, что король погибнет или уже убит.

³⁹ *Monteagudo B. Op. cit.*, p. 9.

⁴⁰ *Moreno G.R. Estudios históricos y literarios*. La Paz, 1983, p. 52.

20 мая Писарро получил указание вице-короля арестовать оппозиционных ему оидоров. Писарро собрал на совет своих сторонников, некоторых юристов Аудиенсии. Но даже они отметили нарушение Законов Индий со стороны вице-короля, ибо оидоров можно было арестовывать лишь по именному указу короля⁴¹. Писарро растерялся, и совет отложил выполнение приказа до 24 мая. Однако оидоров предупредили, и почти все они приняли меры предосторожности или скрылись.

23 мая Писарро обратился за помощью к индентанту Потоси Ф.П. Сансу, в распоряжении которого были регулярные войска. Он ожидал восстания и готовился к нему. Оидоры также решили действовать. Вечером 24 мая они, часть Университетского совета и кабильдо, собрались в доме регента университета и в полном соответствии с Законами Индий потребовали от Писарро уйти с поста президента. Оидоры могли сместить его уже на следующий день через принятие "королевского уговора" (*real asuero*), имевшего силу закону.

Утром 25 мая Писарро был проинформирован о ночном заседании. Он отказался подчиниться решению оидоров, так как они собрались не в зале Аудиенсии, а в частном доме. Писарро решил действовать немедленно и приказал арестовать оидоров. Вновь отправил гонцов к Сансу в Потоси с просьбой о срочной помощи. Все это стало известно в городе. Все оидоры бежали и арестовать удалось лишь очень популярного в народе Х. Суданьеса.

Доклад командира местного ополчения Х.А. Альвареса Ареналеса о восстании 25 мая, опубликованный Э. Хустом, дает подробное изложение событий того дня. Когда задержанного Суданьеса вели по улице, он стал кричать, что его хотят казнить, чтобы он не обличал власти в предательстве. Сторонники Суданьеса ударили в набат, и народ собрался в центре города. Говорили, что арестовали всех оидоров, что было немыслимым беззаконием. С криками "Да здравствует Фердинанд VII, смерть плохим правителям!" народ обступил дворец Писарро и требовал освободить оидоров. Страсти накалялись и Писарро распорядился освободить Суданьеса, которого с балкона архиепископ показал народу.

Писарро понимал бесполезность сопротивления и был готов уступить. Он согласился разоружиться и передал Альваресу Ареналесу артиллерию. Народ же не успокаивался и продолжал осаждать дворец. Видимо нервы солдат не выдержали, и они открыли стрельбу по толпе – многих ранили, а одного убили. Учиненная расправа вынудила восставших применить против дворца артиллерию: выстрелом из пушки выбили ворота и ворвались во дворец⁴². Писарро был арестован и под охраной отправлен в университет.

Тем временем оидоры собрались на заседание и лишили президента его поста. Когда оидоры вручили Писарро бумагу о его отстранении и переходе всей полноты военной и политической власти Аудиенсии, он произнес известную фразу: "С одним Писарро⁴³ началось испанское господство, а с другим началось его падение"⁴⁴.

В первый момент восстания Аудиенсия должна была заняться военными вопросами в виду приближавшихся войск Санса. Командиром гарнизона и ополчения был назначен Альварес Ареналес. Он, хотя и был урожденным испанцем, считал, что независимость Америки неизбежна и сразу же в 1809 г. встал на сторону инсургентов. Затем он 16 лет воевал в различных армиях за независимость. Ареналес сразу приступил к усилению местного ополчения, в которое помимо благородных граждан, креолов, стали принимать метисов, чоло, т.е. городские низы.

Тем временем Санс с отрядом в 500 воинов прибыл к Чукисаке. Он остановился в Йолате в удалении от городских стен. Санс был потрясен решимостью народа бороть-

⁴¹ *Sanchez de Velasco M.* Memorias para la historia de Bolivia. Desde el año 1808 a 1848. Sucre, 1938, p. 11.

⁴² *Just Lleó E.* Op. cit., p. 700–705.

⁴³ Речь идет о конкистадоре – завоевателе Перу Ф. Писарро.

⁴⁴ *Moreno G.R.* Estudios históricos..., p. 39.

ся за дело Аудиенсии. "Когда я прибыл в Йолату, – писал он позже, – то нашел там только 22 женщины и 24 старика, да священника, так как все жители ушли в Чукисаку, боясь репрессий с нашей стороны. Вся округа поднялась на защиту города"⁴⁵. Санс вступил в переговоры с представителями Аудиенсии, в результате которых согласился удалиться в Потоси и ожидать распоряжений вице-короля.

С объяснениями и документами о взятии полномочий Аудиенсией в разные города были отправлены эмиссары: Б. Монтеагудо в Потоси и Тупису, Х. Лемойне в Санта-Крус, М. Арсе в Оруро, в Ла-Пас друг и сподвижник Монтеагудо М. Мичел. Они представляли крайнее крыло в группе радикалов, считали возможным открыто заявить о стремлении к независимости и не прикрываться маской верности Фердинанду VII. Однако именно благодаря декларации преданности королю и короне в Чукисаке в мае 1809 г. фактически была достигнута независимость. С другой стороны, власть осталась в руках испанской колониальной бюрократии. Свидетель тех событий и один из первых боливийских историков М. Санчес де Веласко писал: "Наступило 26 мая, без каких-либо новшеств... Оидоры заседали и управляли... Шла переписка с губернаторами Потоси, Кочабамбы и Ла-Паса, все оставалось в порядке вещей и без желания изменить что-либо"⁴⁶.

Единственное, в чем преуспела новая власть – это в создании новой армии. Благодаря усилиям Альвареса Ареналеса были сформированы несколько рот ополчения, в частности и из цветных, негров и метисов, которая называлась "рота террора". Команду над последней принял М. Суданьес⁴⁷. Около города были возведены каменные укрепления (два форта на возвышенности и один на равнине) для возможной обороны города со стороны Потоси.

После восстания в Ла-Пасе посланник хунты М.В. Ланса прибыл в Чукисаку. Он откровенно говорил о независимости Чаркас. Оидоры слушали его, принимали, но не поддерживали и не осуждали. В городе появились листовки, утверждавшие, что Фердинанд VII умер в плену и нужно защищать независимость Чаркас и свободу родины. Эти обстоятельства крайне обеспокоили испанцев и креолов, сторонников старого режима. Они стали покидать город. Их было так много, что 22 сентября 1809 г. Аудиенсия приказала запретить выезд из города без специального разрешения.

Состояние политического пата, бездействие и неспособность революционеров не только проводить какие-либо реформы, но и управлять, привели к полной деградации этой квазинезависимой власти Аудиенсии, которая предпочитала ничего не предпринимать и выжидать. Как справедливо писал боливийский историк М. Сантос де Таборга, после победы восстания Аудиенсия из органа революции сразу же превратилась в главное препятствие на ее пути⁴⁸.

Вице-король Линье, узнав о событиях в Чукисаке, дал указания Сансу не вмешиваться в них. В середине июля в Буэнос-Айрес прибыл новый вице-король П. Сиснерос, который распоряжением от 17 июля позволил Аудиенсии временно осуществлять власть. В Чукисаке это письмо торжественно читали перед толпой и рассматривали как одобрение своих действий.

После восстания в Ла-Пасе вице-король изменил свою политику, увидев в этом движении угрозу всему испанскому господству в Верхнем Перу. В августе Сиснерос приказал немедленно освободить всех арестованных, прежде всего Писарро. Аудиенсия под давлением народа отказалась сделать это и продолжила вооруженные приготовления.

18 октября вице-король вновь потребовал выполнения августовских приказов. Хаос и разочарование в городе, страх перед репрессиями и силой королевских войск, шедших из Перу под предводительством Гойенече на подавление восставшего Ла-Па-

⁴⁵ Just Lleó E. Op. cit., p. 692.

⁴⁶ Sánchez de Velasco M. Op. cit., p. 15–17.

⁴⁷ Moreno G.R. Estudios históricos, p. 50–51.

⁴⁸ Цит. по: Montenegro C. Nacionalismo y Coloniaje. La Paz, 1979, p. 44.

са, заставили оидоров сдаться. Вскоре город получил послание нового президента маршала В. Ньето, который потребовал ухода со своих постов всех революционеров – оидоров и прокуроров, замешанных в событиях 25 мая. Он требовал осудить "четырёх мятежников", а остальным обещал прощение⁴⁹. Письмо президента привело к полному развалу власти Аудиенсии, которая 17 ноября объявила о своем подчинении вице-королю и новому президенту.

Ньето вошел в город в сопровождении войск Санса. Из Потоси из запасов монетного двора привезли много денег, их разбрасывали при въезде президента в город. Ньето не стал никого казнить, хотя и арестовал М. Суданьеса, Альвареса Ареналеса и других видных деятелей восстания. Х. Суданьес и Б. Монтеагудо бежали из города. Ополчение было разоружено и распущено. К удивлению многих в руках восставших оказалось много оружия, например 15 пушек.

Восстание в Чукисаке закончилось восстановлением статус-кво. Силы и влияние революционеров, стремящихся к независимости, оказались недостаточными, чтобы добиться своих целей. Бюрократия и креольская элита, отрицая законность хунты в Испании, не противопоставляли себя испанской монархии, не стремились к конфликту с метрополией. Однако, также как и хунты в Испании, события в Чукисаке привели к развалу старой системы власти, подрывали сами основы монархии. Хотя не было создано альтернативной колониальной системы власти, отказ признать права Испании на решение судьбы американских владений закладывали основы не только автономии и федерализации империи, но и самостоятельности, будущей независимости. Восстание в Чаркас привело в движение народные массы, вовлекаемые креольской элитой в борьбу за независимость, которая перестала быть абстрактной идеей. Главным результатом восстания в Чаркас в 1809 г. были разрушение стабильности и основ "старого режима", осознание обществом возможности достижения независимости.

ЛА-ПАС: РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ "МАСКИ"

Г.Р. Морено писал, что Война за независимость Верхнего Перу началась с "маски", умеренные прикрывались верностью Фердинанду VII, под которой прошли события в Чукисаке, но продолжилась восстанием с "открытым лицом" в Ла-Пасе. Переворот в Чукисаке ускорил развитие событий в северной столице Верхнего Перу. Ла-Пас в отличие от университетской и бюрократической Чукисаки был производящим и торговым городом. Здесь чувствовался экономический пресс колониального режима. Сиса и алькабала, тяжелые торговые налоги, были ненавистными символами испанского господства. Здесь всегда был силен местный патриотизм, креольский локализм. Ла-Пас с большим возбуждением воспринял сначала новости о событиях в Испании, а затем и о революции в Чукисаке.

В Ла-Пасе миссия Гойенече вызвала такие же подозрения, как и в Чукисаке. Всем был очевиден сговор с Гойенече местного интенданта и епископа. Креолы вслед за "докторами" Чукисаки повторяли тезис о нелегитимности Центральной хунты и о праве создать свои органы управления. Интендант Т. Давила в докладе вице-королю подчеркивал, что в городе отмечаются сильные расхождения между испанцами и "патрициями"⁵⁰, в их отношении к событиям в Испании. "Споры эти, – писал Давила, – всякий раз приобретают все более непримиримый характер, усиливая взаимную враждебность"⁵¹.

Обстановка политического возбуждения в Ла-Пасе осложнялась активностью сторонников перемен. В Ла-Пасе как нигде в Чаркас появилось большое число листовок

⁴⁹ Just Lleó E. Op. cit., p. 193.

⁵⁰ Термин "патриции" означал принадлежность или рождение в этом регионе, который креолы считали своей родиной (по-испански patria). – Barragán R. Españoles patricios y españoles europeos: conflictos intraelitales e identidades en la ciudad de La Paz en vísperas de la independencia, 1770–1809. – Entre la retórica y la insurgencia: las ideas y los movimientos sociales en los Andes, siglo XVIII. Cusco, 1996, p. 113–171.

⁵¹ Dávila T. Op. cit., p. 1.

и памфлетов. Они содержали антиправительственные лозунги "Долой правителей Испании в Америке!", "Испания более не будет править страной!", "Да здравствуют наши законы и долой дрянное правительство и его чапетонов!" – так презрительно называли уроженцев Испании. Большинство листовок провозглашало преданность Фердинанду VII, но были и такие, где его проклинали⁵².

В октябре 1808 г. произошли тревожные события, крайне обеспокоившие власти. В центре города собралась толпа граждан, бурно обсуждавших события в Испании и отсутствие короля на престоле, и стала требовать создания в Ла-Пасе хунты, утверждая свое право примером испанских городов. С большим трудом уговорами интенданту удалось успокоить толпу. Давила сообщил об этом в Буэнос-Айрес и получил приказ наказать зачинщиков. В феврале 1809 г. он отвечал вице-королю: "Заговор и волнения в октябре, целью которых были отделение от правительства и создание хунты, сдерживалось лишь страхом перед наказанием. Однако они по-прежнему собираются на ночные заседания, не боясь, что поставлю массу виселиц... Я не могу провести расследование, которое Вы приказали учинить над заговорщиками, ибо это вызовет взрыв возмущения и даст повод поднять народ на восстание"⁵³. Давила управлял городом, который бурлил от политической агитации, его власть с каждым днем слабела.

События мая 1809 г. в Чукисаке критически отразились на положении в Ла-Пасе. 8 июня в городе появился посланник Аудиенсии Мичел, привезший с собой не только ордер на арест бежавших из Чукисаки сторонников Писарро, но и тайные памфлеты Монтеагудо. По дороге в Ла-Пас Мичел побывал в Кочабамбе, где встретился с выдающимся деятелем первых лет Войны за независимость Мединой. Он пообещал Мичелу присоединиться к нему в Ла-Пасе. По прибытию в Ла-Пас Мичел встретился с Давилой и епископом. Главные же встречи проходили с группой радикалов, в которую входили Мурильо, Катакора, Инохоса, Патиньо, Алиага, Фигероа, Сагарнага и братья Ланса⁵⁴. Всего состоялось пять секретных совещаний. 24 июня в доме Сагарнаги собрались все заговорщики и поклялись участвовать в революции против властей. 9 июля в Ла-Пас прибыл Медина. 12 июля состоялось последнее совещание, где было окончательно решено выступить 16 июля, в день праздника Девы Марии дель Кармен. К заговору присоединился испанец, офицер Х.П. Индабуру.

16 июля 1809 г. во время религиозной процессии заговорщики захватили казармы, нейтрализовав солдат. Одновременно ударили в набат, чтобы собрать народ. Они убеждали людей, что европейцы хотят перебить патрициев. Под здравицы в честь Фердинанда VII и проклятия предателям, губернатору и епископу, продавшимся португальцам, стали вооружать народ. Для этого в доме Индабуру заранее был приготовлен склад оружия. Народ кричал: смерть чапетонам!⁵⁵. Толпа взломала двери тюрьмы и освободила заключенных.

Восставшие заявили, что гражданская власть в городе переходит к кабильдо (муниципалитету). Под давлением народа кабильдо принял в свои члены представителей заговорщиков Г. Лансу, Х.Б. Катакора и Х.Б. Сагарнагу. Лидеры восставших Мурильо и Индабуру объявили о призыве в ополчение. Народ требовал изгнания всех главных чиновников старой администрации, немедленной отмены алькабалы, а ключи от казначейства передать в кабильдо. Кабильдо пообещал отменить алькабалу на продукты питания и товары, продаваемые индейцами.

На следующий день с утра на центральной площади возвели виселицы и объявили о наказании смертной казнью всякого, кто оскорбит другого, назвав чапетоном или

⁵² *Montenegro C.* Op. cit., p. 48; *Crespo A., Arze Aguirre R., Romero F.B., Money M.* La vida cotidiana en La Paz durante la Guerra de la independencia. 1800–1825. La Paz, 1975, p. 209.

⁵³ *Dávila T.* Op. cit., p. 1–3.

⁵⁴ *Valencia Vega A.* José Antonio Medina. El sacerdote de la revolución iberal en el Alto Perú. La Paz, 1978, p. 63–64.

⁵⁵ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III. La Paz, 1954, p. 25.

креолом⁵⁶. Всем же испанцам было велено явиться к трем часам дня для принесения "клятвы верности и союза с американцами во имя защиты родины". Клятву под виселицами и перед портретом Фердинанда VII принимали от имени кабильдо и народа Г. Ланса и Х.Б. Сагарнага. Как писал Котера: "Ясно, что цель патрициев не что иное, как независимость"⁵⁷.

19 июля произошло важное событие. С балкона кабильдо было зачитано заявление, которое устанавливало полное равенство европейцев-испанцев и креолов-американцев. "Впредь нет ни высокого, ни низкого народа, теперь все равны. Это то равенство, которое уже 20 лет ищут французы", – отмечал Котера. Революция продолжала углубляться, принимая все более радикальные акты, свидетельствовавшие о полном разрыве со старым режимом. Важнейшим решением революционеров было прощение всех долгов по налогам. 20 июля на площади торжественно под портретом короля были сожжены все бумаги казначейства по налогам, начиная с 1807 г. Это было самое смелое и решительное действие новых властей, которые стремились к самоуправлению в финансовой сфере. Вице-король в предыдущие месяцы распорядился собрать для Центральной хунты 1,04 млн. песо, из которых Ла-Пас должен был предоставить 100 тыс., огромную сумму для города. Эти распоряжения усилили желание получить финансовую самостоятельность и прекратить субсидировать Буэнос-Айрес, да и Мадрид.

Одним из первых мероприятий новой власти была смена самых важных чиновников. Были уволены начальники почты, таможни, принята отставка администратора табачной монополии и командующего ополчением. Все эти акции были освящены решениями кабильдо. Затем наступила очередь провинциальных властей. Позже противники восстания в "Беспристрастном докладе о революции в Ла-Пасе" писали: "Бунтовщики поменяли провинциальные власти в Сикасике, Омасуйос, Сорате, Пакахес, Юнгас, где поставили людей без залога, более того, бесплатно и без формальностей по закону, еще приказали, чтобы эти провинции прислали в Ла-Пас по одному индейцу, которые должны были представлять их население в хунте"⁵⁸.

Революционеры продолжали строить новую систему управления. С изложением программы новой власти выступил Медина, который написал "План правительства". Этот текст сначала был обсужден в узком кругу радикалов, а затем 21 июля представлен кабильдо. Во втором варианте, после замечаний Мурильо, братьев Ланса, Сагарнаги, Буэно и Катакоры полностью исчезло всякое упоминание о короле, вассалитете и преданности короне, а появились очень жесткие формулировки о политике Испании в американских колониях⁵⁹. Именно после его публикации роялисты в "Беспристрастном докладе" с полным правом утверждали, что главной целью революционеров было "воспользоваться положением и растерянностью, чтобы отделиться от метрополии, добиться независимости Америки"⁶⁰. Документ, принятый кабильдо 22 июля, декларировал свободу торговли, неприкосновенность частной собственности, личную свободу. "Эти права человека находятся в руках властей и должны ими полностью соблюдаться с уважением к достоинству и чести гражданина". Декларация, сделанная от имени "представителей народа" и принятая кабильдо, устанавливала новые налоговые правила: впредь все налоги, в том числе доходы от почты, монополии табака, будут оставаться в местном казначействе, а не направляться в Буэнос-Айрес⁶¹.

В "Плане" был пункт о создании парламента, законодательной "представительной и охранительной хунты прав народа". Кабильдо приказывал созвать "представительный конгресс прав народа с участием делегатов от индейцев, по одному индейцу от

⁵⁶ Такие же требования уничтожить "различия между гачупинами или европейцами и креолами" выдвигались в Новой Испании в наказах депутатам в Центральную хунту в 1809 г. – *Guerra F.-J.* Op. cit., p. 210.

⁵⁷ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III, p. 30.

⁵⁸ Dávila T. Op. cit., p. 43.

⁵⁹ Una independencia, muchos caminos, p. 75.

⁶⁰ Dávila T. Op. cit., p. 39.

⁶¹ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III, p. 177, p. 361–367.

каждого округа всех шести районов (субделегаций), которые составляли провинцию Ла-Пас⁶². Впервые в истории континента созывался представительный орган власти с выборными от индейцев.

Тогда же радикальное крыло революционеров выпустило манифест, в котором четко и безо всяких "масок" декларировалась цель – независимость Чаркас. В этом важнейшем документе, характеризующем все движение в Ла-Пасе, заявлялось: "До сегодняшнего дня мы терпели подобие ссылки на чужбине в лоне собственного отечества; мы до сего дня в течение трех веков с безразличием взирали на попрание свободы, на деспотизм и тиранию несправедливого узурпатора, уничтожавшего человеческое достоинство... И вот наступил час сбросить иго, столь унижающее нас и так лстящее испанской гордыне. Настало время организовать новую систему правления, которая будет исходить из интересов нашей родины, до сих пор презираемой подлой политикой Мадрида. Настало время поднять знамя свободы в этих несчастных колониях, задавленных пятой несправедливости и тиранией"⁶³. Эта декларация отличалась своим радикализмом и четкостью поставленных целей от всех ранних заявлений борцов за независимость, в том числе и хунты в Буэнос-Айресе в мае 1810 г., что дало повод некоторым историкам называть радикалов Ла-Паса якобинцами испано-американской революции⁶⁴.

24 июля собралась Охранительная хунта в составе 12 человек. Позднее, в сентябре, к ним присоединились трое индейских делегатов⁶⁵. Последнее вызвало возмущение многих. Роялисты сетовали: "Индеец из Юнгас был, по крайней мере, императорской крови, происходил из инков, а остальные – простые касики (главы общин. – А.Щ.)"⁶⁶. Возглавил хунту П.Д. Мурильо. В ее состав вошли радикалы Х.А. Медина, Г.Г. Ланса, Х.Б. Катакора, Ф. Патиньо, Б. Буэно.

Главной особенностью новой системы власти было разделение на административный и законодательный корпуса. Правящим органом оставался кабиљдо. Хунта выработывала рекомендации, по которым уже затем кабиљдо принимал решения. Явным отличием хунты в Ла-Пасе от всех других патриотических хунт в Испании и Америке было то, что уже в своем названии она отказалась от титула "защитницы прав Фердинанда VII", а стала именоваться "защитницей прав народа".

После прибытия в Буэнос-Айрес Сиснероса ситуация изменилась. В Ла-Пасе об этом стало известно 10 августа. В кабиљдо сразу возникла группа пораженцев, опасавшихся, что новый вице-король примет решение подавить восстание Ла-Паса силой. 18 августа напряженность спала: прибыл эmissар, которого посылали в Чукисаку. Он привез с собой ордер высшего судебного органа Чаркас (правда, самого находившегося в конфликте с властями), согласно которому Аудиенсия одобряла действия восставших. Это означало юридическое признание новых властей. Документ был зачитан Сагарнагой на площади, звучали колокола, была устроена иллюминация, в толпу бросали монеты, был организован праздник.

Вопросы обороны перед лицом возможного военного нападения на Ла-Пас крайне беспокоили лидеров восстания, поэтому они с первых дней формировали ополчение, ежедневно проводили военные занятия и смотры. Во главе военной организации стояли два непримиримых врага Мурильо и Индабуру, что таило в себе зерно будущего конфликта. Тревожные новости приходили из Перу. В конце августа стало известно, что из Куско и Арекипы в сторону границы с Чаркас двинулись королевские войска под предводительством Гойенече.

Забота о благоприятном окружении революции не могла заслонить внутренних опасностей, исходивших как от консервативного руководства кабиљдо во главе с аль-

⁶² Ibid., p. 366.

⁶³ Ibid., p. 38.

⁶⁴ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia, t. 2. La Paz, 1984; Fellman Velarde J. Op. cit.

⁶⁵ Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979, p. 109.

⁶⁶ Dávila T. Op. cit., p. 43.

кальдом Ф. Янгасом, так и от умеренной фракции самого революционного кружка. С каждым днем становились все напряженнее личные отношения Индабуру и Мурильо. Радикалы с большим подозрением относились к Мурильо. 12 сентября пришли известия о занятии королевскими войсками из Перу города Копакабана на побережье озера Титикака, находившегося в юрисдикции Чаркас, т.е. вице-королевства Рио-де-Ла-Плата. В тот же день подстрекаемая радикалами толпа потребовала отставки и суда над алькальдом. Под давлением толпы кабильдо принял отставку Янгаса, а также был вынужден ввести в свой состав новых членов, в том числе лидера радикалов Медину. Фактически это был левый переворот, руководящие позиции оказались в руках радикалов. После смещения алькальда Янгаса пришедшие в кабильдо крайние радикалы настояли на резолюции об объявлении войны перуанской провинции Пуно⁶⁷.

Кризис наступил несколько дней спустя. 16 сентября из Лимы пришло письмо вице-короля Перу Х.Ф. Абаскаля с требованием восстановить старые власти и распустить войска. Два дня кабильдо обсуждал эти требования. 22 сентября было принято решение формально подчиниться, но не исполнять приказ, а послать делегатов для переговоров с командующим войсками Гойенече. Если у Гойенече было 5 тыс. человек, то хунта располагала отрядом в 800 человек и 11 орудиями.

Между тем кабильдо и Мурильо вступили в переговоры с Гойенече. Мурильо в письме предложил свои услуги и готовность следовать его приказам. В письме Сансу он отмежевывался от радикалов⁶⁸. Гойенече рассчитывал на помощь Мурильо в подавлении восстания и даже думал назначить его на пост губернатора. Всем же членам кабильдо Гойенече обещал прощение⁶⁹. Чаша весов в городском руководстве склонилась в пользу умеренных и роялистов.

После приказа вице-короля вернуть политическую ситуацию к положению до 16 июля кабильдо 30 сентября постановил распустить Охранительную хунту. Военная и политическая власть оказалась в руках Мурильо, которому удалось уговорить радикалов пойти на уступки перед угрозой применения военной силы. Однако вскоре радикалы утратили доверие к Мурильо, узнав о его письмах к Гойенече и Сансу. Стали поговаривать о его сговоре с роялистами и предательстве.

6 октября Гойенече прислал для переговоров двух офицеров, которых со всеми почестями за городские ворота отправился встречать Мурильо и члены кабильдо. Посланники Гойенече объявили о всеобщем прощении при условии капитуляции и разоружения, что было принято кабильдо. Мурильо оставался командующим войсками до прихода войск Гойенече⁷⁰. Кабильдо восстановил старого алькальда Янгаса, ставшего союзником Мурильо.

Решение кабильдо возмутило радикалов во главе с Мединой. После отъезда парламентаров Медина созвал в казармах гарнизона бывших членов хунты и кабильдо, которые под давлением радикалов и народных элементов, присутствовавших там, постановили отменить решение о капитуляции и заявили о решимости сопротивляться. Медина с комиссией кабильдо выехал в Тиуанаку, где находилась большая часть войск Ла-Паса во главе с Сагарнагой. Там Медина яркой речью убедил всех в своей правоте и уговорил отряд вернуться в город, чтобы продолжить революцию и наказать предателей.

12 октября оставшийся в городе Индабуру, опасаясь, что пострадает из-за напряженных отношений с Мурильо, стал действовать. Ночью он арестовал Мурильо, обвинив его в предательстве. 13 октября пришедшие из Тиуанаку войска штурмовали дом Янгаса, арестовали некоторых испанцев и креолов-роялистов. Во главе войск встал Индабуру, превратившийся в союзника Медины и радикалов. Однако, если радикалы желали сражаться с роялистами, то Индабуру заботила только его собственная судьба.

⁶⁷ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III, p. 50.

⁶⁸ Abecia Baldivieso V. La "genial hipocresía" de Don Pedro Domingo Murillo. La Paz, 1978, p. 23.

⁶⁹ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III, p. 55.

⁷⁰ Ibid., p. 62.

Поставив командующим Индабуру, большая часть войск ушла в Чакалтайо, ключевое место для обороны Ла-Паса. Как только войска покинули город, 18 октября Индабуру совершил переворот, арестовал Медину и других радикалов. Роялисты приветствовали переворот. На следующий день Индабуру приказал установить виселицы для всех арестованных. Тем временем, узнав о событиях в городе, войска, преданные радикалам, вернулись в Ла-Пас. Индабуру пытался организовать защиту города, но потерпел поражение. Сам Индабуру был ранен, а затем забит до смерти толпой. Его труп на поругание был повешен на возведенной им виселице. Народ нападал на дома роялистов, грабил магазины, принадлежавшие испанцам.

Власть вернулась к радикалам. Были освобождены все арестованные, кроме Мурильо. Затем войска, захватив с собой арестованного Мурильо, ушли на позиции в Чакалтайо. Войск было слишком мало, чтобы всерьез думать о вооруженном противостоянии Гойенече. Радикалы считали, что надо уйти в Юнгас, на север провинции, где можно было организовать сопротивление и даже установить республику.

В Юнгас уже некоторое время находился отряд В. Ланса, который там преследовал епископа, организовывавшего своего рода Вандею в тылу революционного Ла-Паса. Лансе удалось мобилизовать в Юнгас около 6 тыс. индейцев⁷¹. Это обстоятельство убеждало революционеров, что в Юнгас они смогут эффективно противостоять Гойенече. Даже если поверить данным о численности войск Лансы, индейцы были разоружены и недисциплинированы. Они разбежались при первых же выстрелах.

25 октября Гойенече подошел к Ла-Пасу. Небольшой отряд принял неравный бой у Чакалтайо, дав возможность основной группе с военачальником Кастро и Мединой уйти в Юнгас. Чтобы артиллерия не досталась врагу, были взорваны все пушки. Гойенече уничтожил заградительный отряд и занял город. Потери революционеров в арьергардных боях составили 200 человек⁷². Во время отступления в Юнгас Мурильо удалось бежать. 11 ноября его арестовали люди Гойенече.

30 октября Гойенече отправил отряд в 500 человек для преследования Лансы в Юнгас. Гойенече туда же отправил брата Викторию Лансы Григорио, которого отпустил под залог, чтобы тот уговорил восставших сдаться. В ответ 5 ноября 1809 г. В. Ланса написал любопытное письмо Гойенече. В нем он изложил свои взгляды, наивно полагая обратиться в свою веру самого Гойенече. Ланса подчеркивал, что главной причиной, побудившей революционеров восстать, было неравенство креолов с европейцами: "Америка многие годы жила угнетаемая европейцами, которые обирали и раздевали страну, вывозили все ее богатства, оставляя после себя лишь скелеты". Ланса призывал Гойенече, поскольку тот тоже был американцем по рождению, присоединиться к движению за независимость и "установить собственную перуанскую династию". Ланса даже предлагал Гойенече возглавить регентство независимой Америки⁷³. Данное письмо свидетельствовало, что Ланса был убежден в беспринципности Гойенече, который в его глазах давно изменил испанской короне и действует в интересах португальской принцессы, а значит, мог соблазниться предложением власти.

11 ноября роялисты разбили в Юнгас при Ирупане отряд восставших, который согласно Котере, насчитывал 8 тыс. человек. Однако это была плохо организованная масса индейцев, неспособная противостоять регулярной армии. Их предводители Ланса и Кастро бежали с поля боя. Вскоре их взяли в плен индейцы, прослышавшие о поражении Ла-Паса и желавшие выслужиться перед испанцами. Они казнили Лансу и Кастро, а их головы выставили сначала в Короико, а затем отослали в Ла-Пас.

После военных побед роялисты приступили к жесточайшим репрессиям. В течение ноября арестовали всех лидеров восстания. 19 ноября из Буэнос-Айреса пришло письмо, уполномочивавшее Гойенече вершить правосудие над революционерами. 2 января

⁷¹ Ibid., p. 63.

⁷² Ibid., p. 175.

⁷³ Цит. по: Vázquez Machicado H. Orígenes de la nacionalidad boliviana. La Paz, 1975, p. 41–43.

состоялся скорый суд. Все лидеры восстания П.Д. Мурильо, Б. Катакора, Б. Буэно, М. Хименес (Пичитанка), М. Гранерос, Х.А. Фигероа, А. Хаен, Г.Г. Ланса, Х.Б. Сагарнага были приговорены в смерти. Лидер радикалов Х.А. Медина избежал смертного приговора лишь благодаря своему священническому сану⁷⁴.

29 января 1810 г. все были казнены: веревки виселицы не выдержали, и тогда всех сначала гарротировали⁷⁵, а затем отсекли головы, чтобы выставить их на показ во всех городах Чаркас. Поднявшись на эшафот, Мурильо воскликнул: "Вы не погасите пламя, которое я зажег"⁷⁶.

Движения в Чукисаке и Ла-Пасе остались изолированными вспышками. Они не были активно поддержаны другими регионами и городами Чаркас, хотя туда посылались эмиссары восставших. Лишь в 1810 г. под влиянием Майской революции в Буэнос-Айресе лозунги Ла-Паса и Чукисаки вновь становятся актуальными. В августе 1810 г. восстала Кочабамба, поддержавшая хунту в Буэнос-Айресе. Это движение произошло под непосредственным впечатлением от событий 1809 г.⁷⁷ В ноябре 1810 г. кабийдо Чукисаки на этот раз с согласия архиепископа принял акт признания Революционной хунты в Буэнос-Айресе. Практически все города Чаркас поддерживали революцию в Буэнос-Айресе и экспедиционный поход войск Рио-де-Ла-Платы под предводительством Кастельи. Такое быстрое распространение в Чаркас революции в 1810 г. объяснимо лишь в свете примера и идейного влияния движения 1809 г.

* * *

Движение 1809 г. в Чаркас знаменовало начало многолетней Войны за независимость, освобождения американских колоний от испанского владычества. В этом движении проявились черты, свойственные революционным событиям этих же лет в самой Испании. Принципиально, нам представляется логичным и обоснованным рассматривать эти события в рамках ибероамериканской антиабсолютистской революции, центрами ее была как Испания, так и американские колонии, революции, которая знаменовала переход от "старого режима" к буржуазному строю.

Период с начала восстания в Испании в мае 1808 г. и формирования по всему королевству патриотических хунт вплоть до роспуска Центральной хунты в январе 1810 г. является ключевым для понимания ибероамериканской революции, одним из результатов которой стала Война за независимость Америки. В этот период американцы прошли путь от искреннего испанского патриотизма и вассальной верности монарху к враждебности к испанской монархии и всему режиму колониального господства. Логичным завершением этого периода ибероамериканской революции были созыв Учредительных кортесов в Кадисе и принятие конституции 1812 г., восстания в Каракасе, Буэнос-Айресе, сентябрьский "клич" Идальго в Мексике в 1810 г.

В процессе революционных событий в Чаркас постепенно "маска" вассалитета и преданности Фердинанду VII исчезала и была заменена новыми идеями и лозунгами: суверенитет народа, права нации, равенство креолов и европейцев. В Ла-Пасе эта тенденция проявила себя в полной мере. Именно с восстания в Ла-Пасе ибероамериканская революция в колониях приобрела характер движения за независимость. И в Испании, и в Америке целью революционеров было свержение абсолютизма Бурбонов, разрушение "старого режима", однако в колониях революция имела свои особенности и быстро превратилась в Войну за независимость.

⁷⁴ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, v. III, p. 73.

⁷⁵ Позорная казнь, применявшаяся в Испании со средних веков. Преступников душили, ломая шею с помощью палки и веревки.

⁷⁶ Мурильо на процессе вел себя малодушно, выгораживал себя, оправдывался, за что его упрекали современники. Однако героическая смерть и последние слова полные мужества свидетельствовали о великом подвиге этого человека.

⁷⁷ Just Lleó E. Op. cit., p. 525.